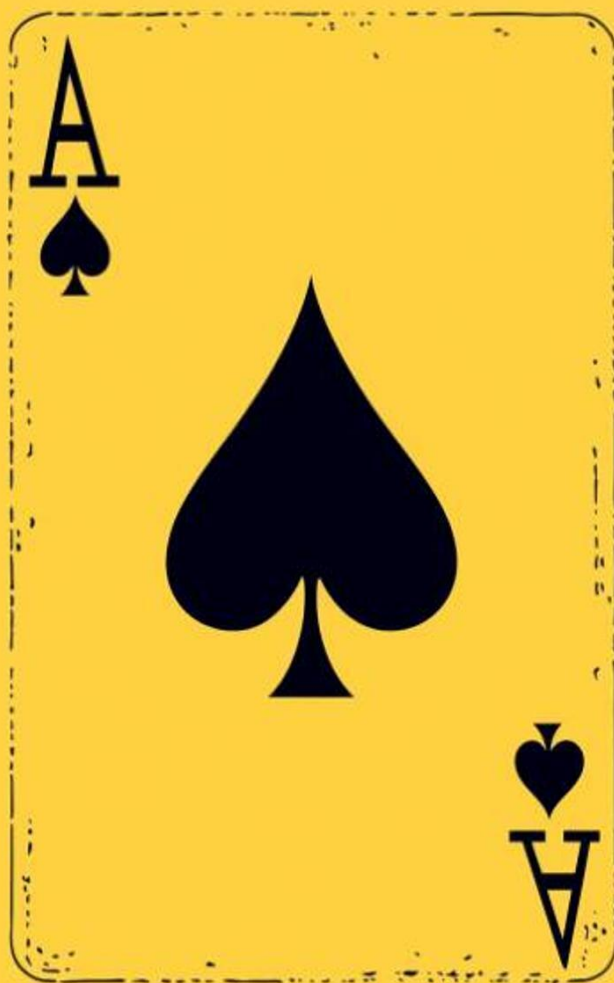

Александр Восьмой

Книга 7. «Оптима и Тропа Обратного Света»

18+

Александр Восьмой

**Книга 7. «Оптима и
Тропа Обратного Света»**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Книга 7. «Оптимизм и Тропа Обратного Света» / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Если идти по свету — придёшь во тьму. Оптимизм привыкла искать лучшее. Но в Разломе оптимизм — это дорога, которая ведёт в ловушку. Тропа Обратного Света — коридор, где чем светлее впереди, тем чернее позади. Идти нужно спиной. Оптимизм впервые сомневается — в себе, в других, в том, что они вообще живы. В этой книге она встречает свою тень — ту, что Фаргус потерял в лесу. Тень Оптимизма живёт без неё и очень недовольна, что оригинал всё ещё ходит. Финал книги — бой Оптимизма с собой, где победа означает принять, что ты не лучшая версия себя, а единственная. И этого достаточно.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Книга 7. «Оптим и Тропа Обратного Света»

Глава 1. Свет, который зовёт вперёд

Тропа Обратного Света будто сошла с кадра аниме: золотистые лучи дробятся в воздухе, как пиксели, а тени вытягиваются, словно нарисованные резкой чёрной линией. Всё слишком яркое, слишком правильное — будто мир надел праздничную маску, чтобы скрыть, что под ней нет лица.

Оптим шла первой — как всегда. Её шаг был твёрдым, будто она знала: если остановиться хоть на миг, свет начнёт давить, как тяжёлая рука. За ней — Фаргус, который шутил, чтобы не слышать, как тишина здесь звучит как шёпот чьего-то имени. Даффи Толстяк хрустел сушёными ломтиками, будто этот звук мог отогнать то, что пряталось в бликах. Прима смотрела по сторонам, и в её взгляде читалось: «Здесь что-то не так». Окси щёлкал маленьким блокнотом, записывая не слова, а ощущения — «воздух пахнет горелым сахаром», «свет липнет к коже». Сиринити улыбалась, но улыбка была не от радости — она держала группу вместе, как тонкую нить, которую нельзя рвать.

— Ещё немного, — сказала Оптим, не оборачиваясь. — Видите? Свет становится ярче. Значит, выход близко.

Фаргус хмыкнул:

— А мне кажется, он просто хочет, чтобы мы думали, что он ведёт нас к выходу.

Прима тихо добавила:

— Чем светлее впереди, тем темнее позади.

Все обернулись. И правда: там, где они только что прошли, тропа уже исчезла — не стёрлась, не растаяла, а будто была вырезана из мира. Вместо дороги — густая, маслянистая тьма, в которой плавали отблески, похожие на глаза.

Даффи замер с куском еды в руке:

— Эй... а мы точно идём правильно?

Оптим хотела ответить уверенно, но слова застряли. Впервые она почувствовала: свет не ведёт их вперёд — он заманивает. Он как крючок, на который они сами наделись, думая, что это спасательный круг.

И тут тень шевельнулась — не позади, не сбоку, а прямо перед Оптимой, но чуть в стороне, как будто её собственное отражение решило жить отдельно. Тень двигалась иначе: резче, злее, без колебаний. Она смотрела на Оптиму так, будто знала о ней всё — и ненавидела за это.

— Ты опять думаешь, что ты лучшая, — прошептала тень голосом, похожим на её собственный, но глубже, холоднее. — А ты просто первая, кто не заметил, что дорога ведёт в пропасть.

Оптим попятилась.

— Это... невозможно.

Тень усмехнулась:

— Здесь возможно всё. Особенно то, чего ты боишься больше всего.

Фаргус шагнул вперёд, закрывая Оптиму:

— Кто ты такая?

— Я — та, кого она потеряла, когда решила быть сильной, — ответила тень. — Я — её страх. И я не собираюсь сидеть в углу.

Свет вспыхнул ослепительно, и на секунду показалось, что мир раскололся пополам: одна половина — сияющая, пустая, обманчиво добрая; другая — тёмная, живая, настоящая. И граница между ними проходила прямо через сердце Оптимы.

Окси быстро записал: «Тень говорит. Тень движается. Тень злится. Мы не одни».

Прима схватила Оптиму за руку:

— Не смотри на неё. Смотри на нас.

Сиринити тихо сказала:

— Мы выберемся. Но сначала нужно понять: чтобы идти вперёд, иногда надо идти спиной к свету.

Оптимы сжала кулаки. Впервые в жизни она не знала, какой шаг сделать. Но одно она поняла точно: этот свет не спасение. Он — ловушка. И если они не научатся видеть в темноте, то навсегда останутся в сиянии, которое их поглотит.

Тропа дрогнула. Тени потянулись к ним, как щупальца.

— Держитесь вместе, — прошептала Оптимы. — И не отпускайте друг друга.

Они двинулись дальше — но теперь спиной вперёд, глядя в ту сторону, где было темно. Потому что в этом мире свет лгал. А тьма, возможно, говорила правду.

Глава 2. Тень, которой нет на земле

Пять часов. Пять часов они шли спиной к свету, и мир вокруг менялся так медленно, что каждый замечал не сразу. Трава становилась тоньше. Воздух — холоднее. Запах мёда сменился запахом мокрого камня, будто тропа прошла сквозь невидимую стену и вывела их в место, где солнце уже не было солнцем, а чем-то, что лишь притворялось.

Окси шёл последним и считал шаги. Он всегда считал — так успокаивался. На шаге три тысячи двести семнадцать он опустил взгляд и замер.

У всех были тени.

У Фаргуса — длинная, рваная на концах, будто её кусали. У Примы — плотная, тёмная, как будто налитая свинцом. У Даффи — короткая и круглая, до смешного похожая на хозяина. У Сиринити — мерцающая, неустойчивая, словно не могла решить, куда лечь.

У Оптимы не было ничего.

Просто пустое место на траве. Свет падал на неё — и проходил сквозь, как сквозь стекло. Она стояла, но мир не подтверждал этого.

Окси открыл рот, закрыл. Открыл блокнот. Руки дрожали. Он написал: «У Оптимы нет тени. У всех есть. У неё — нет. Это не опечатка. Это не метафора. Её правда нет».

— Фаргус, — тихо позвал он. Только его.

Фаргус подошёл, глянул вниз и побледнел так, что Сиринити спросила:

— Что?

— Ничего, — ответил Фаргус слишком быстро.

Прима прищурилась. Она видела ложь, как другие видят свет. Фаргус отвернулся, но она уже поняла — что-то не так.

— Ты уже видел такое, — не спросила, а сказала Прима.

Тишина. Свет гудел, как трансформаторная будка.

— В Лесу Потерянных Отражений, — наконец выдавил Фаргус. Голос был пустой, как эхо в пустом коридоре. — Я тоже потерял тень. Три года назад. Она... отстала. Или я ушёл слишком быстро. Не знаю. Но я помню, как это было.

Он сглотнул.

— Сначала ты не замечаешь. Потом начинаешь мерзнуть. Потом не можешь спать в темноте — потому что в темноте ты не существуешь. И потом... потом она приходит за тобой. Твоя собственная тень. Не чтобы вернуться. Чтобы занять твоё место.

Даффи перестал жевать. Это было страшнее любого монстра — Даффи Толстяк перестал есть.

— И что? — спросил он. — Просто... нет тени? Может, это нормально для этого места?

— Нет, — сказал Фаргус. — Это не нормально. Это значит, что она уже здесь. Рядом. Смотрит. Ждёт.

Все посмотрели на Оптиму. Она стояла, скрестив руки, и на её лице боролись два выражения: та самая уверенность, которая вела их вперёд, и что-то новое — трещина, сквозь которую просвечивало сомнение.

— Я чувствую её, — сказала Оптим. Тихо, почти шёпотом. — Она злится. Она считает, что я забрала её жизнь.

— Ты не забирала, — сказала Сиринити.

— Я знаю. Но она — нет. Для неё я — та, кто осталась, когда должна была уйти.

Прима шагнула к ней:

— Мы идём с тобой. Что бы это ни было.

— Нет, — Оптим покачала головой. — Это мой бой.

— Ты так говоришь, будто уже проиграла, — сказал Фаргус.

— Нет. Я так говорю, будто впервые вижу то, что вижу.

И тут свет дрогнул. Не мигнул — дрогнул, как дрожит картинка, когда плёнка заедает в проекторе. На секунду мир стал плоским, как экран, и все увидели: там, где должна быть тень Оптимы, стояла фигура. Тёмная, чёткая, с её лицом — но другим. Не злым. Усталым. Бесконечно усталым от того, что её не замечали.

Фигура открыла глаза — и они были того же цвета, что свет вокруг.

— Ты шла вперёд, — сказала тень. — А я ждала сзади. Каждый шаг — мой. Каждый выбор — мой. Ты забрала движение. Оставила мне — стояние.

Оптим почувствовала, как ноги холодеют. Как будто земля под ней была не землёй, а водой, и тень тянула вниз.

— Я не отдам тебе своё место, — сказала тень. — Я заберу.

Свет вспыхнул. Тень шагнула вперёд. И у всех остальных тени качнулись — к Оптиме, как к центру, как будто весь мир наклонился.

Окси записал последнюю строчку на странице: «Тень идёт к ней. Мы не знаем, что будет. Но если Оптим проиграет — мы потеряем не её. Мы потеряем себя. Потому что без тени человек — это свет, который не принадлежит никому. И такой свет сожжёт всё».

Даффи встал перед Оптимой. Впервые — не за ней, а перед.

— Нет, — сказал он. — Ты сказала, что это твой бой. Но мы не здесь, чтобы смотреть.

Фаргус встал рядом. Прима — с другой стороны. Сиринити — позади. Окси закрыл блокнот и встал тоже.

Тень остановилась.

— Вы не можете её защитить, — сказала она. — Вы даже свои тени не держите. Они на привязи. Длинной. Тонкой. Но на привязи.

И она была права. У каждой тени — ноги чуть короче, чем у хозяина. Чуть медленнее. Чуть дальше. Будто они не шли рядом — шли за.

Тропа Обратного Света замерла. Свет больше не манил. Он стоял стеной. И за этой стеной было только одно: бой, который Оптим должна была провести не с тенью — а с той частью себя, которая верила, что быть лучшей — значит быть живой.

Тень улыбнулась — её улыбкой, но без тепла.

— Посмотрим, кто из нас настоящий.
И мир пошёл трещинами.

Глава 3. Коридор, где свет врёт

Тропа сузилась до ширины одного шага. Стены не были стенами — это был туман, плотный, как вата, но острый, как стекло. Он смыкался за их спинами с тихим, едва уловимым хрустом — будто мир отрезал им путь назад, отрезал по кусочку, по сантиметру, и делал это так буднично, что становилось страшнее.

Свет впереди разгорался, как прожектор на сцене, и от этого всё вокруг теряло цвет. Трава стала серой, камни — пепельными, даже лица друзей поблекли, будто кто-то выкрутил насыщенность на минимум. Только глаза оставались яркими — у Примы тёмно-синие, у Фаргуса — почти чёрные, у Даффи — круглые от напряжения.

Даффи Толстяк остановился первым. Не резко — так, как останавливаются, когда ноги сами понимают то, чего не хочет признавать голова.

— Мы идём к выходу... или нас ведут внутрь? — прошептал он, и голос прозвучал слишком громко в этой сдавленной тишине.

Прима схватила его за руку. Её пальцы были холодными, но хватка — железной.

— Не отпускай, — сказала она. — Здесь нельзя терять друг друга.

Оптим не обернулась. Она смотрела только вперёд, туда, где свет становился невыносимо ярким, будто хотел ослепить их, чтобы они не заметили, как меняются правила.

— Вперёд, — бросила она. Просто. Жёстко. Как приказ, который нельзя обсуждать.

Фаргус покосился на неё. В его взгляде мелькнуло что-то, похожее на боль.

— Оптим... — начал он, но она подняла руку.

— Никаких «но». Мы идём вперёд.

Окси молча щёлкал блокнотом. Он не записывал слова — он фиксировал паузы. Паузы становилось всё больше. И каждая пауза длилась чуть дольше предыдущей.

Сиринити шла последней. Она не смотрела вперёд — она смотрела по сторонам, будто пыталась поймать краем глаза то, что двигалось вместе с туманом.

— Он дышит, — вдруг сказала она. — Коридор. Он живой. И он знает, куда мы идём.

Никто не ответил. Потому что все уже чувствовали это.

Туман коснулся лица Оптимы — не как влага, а как прикосновение чужого взгляда. Она вздрогнула, но не остановилась.

И тут свет впереди дрогнул. Не померк — наоборот, вспыхнул так, что на секунду все ослепли. А когда зрение вернулось, тропа исчезла. Вместо неё был коридор — длинный, прямой, с идеально гладкими стенами, которые не отражали ничего. Даже свет. Он просто исчезал в них, как вода в сухой земле.

— Это не выход, — прошептал Даффи. — Это ловушка.

— Нет, — упрямо сказала Оптим. — Мы почти у цели.

Но её голос звучал так, будто она пыталась убедить не их — себя.

Прима шагнула к ней:

— Ты не видишь. Ты не смотришь назад. А там — самое важное.

Оптим наконец обернулась.

Позади не было тропы. Не было травы, камней, следов. Только плотная, маслянистая тьма, в которой плавали отблески — как глаза, как искры, как чьи-то забытые мысли. И в этой тьме, на границе света и мрака, стояла тень Оптимы.

Она не двигалась. Просто стояла — прямая, неподвижная, с лицом, которое было лицом Оптимы, но без улыбки. Без надежды. Без желания быть лучше всех.

— Ты опять идёшь вперёд, — сказала тень. Голос был тихим, но он прошёл сквозь коридор, как ветер сквозь пустую комнату. — А я всё ещё здесь. Я — то, что ты оставляешь позади. То, что ты считаешь слабым. Но без этого ты не целая.

Оптим попятилась. Шаг. Ещё шаг. Она врезалась спиной в Фаргуса, и он удержал её, не давая упасть.

— Она права, — тихо сказал он. — Ты не можешь идти вперёд, не взяв с собой то, что осталось позади.

Тень шагнула ближе. Свет вокруг неё не гас — он обтекал её, как река обтекает камень.

— Я не враг, — сказала она. — Я — твоя память. О том, что ты боялась. О том, что ты сдавалась. О том, что ты была просто человеком.

Оптим закрыла лицо руками. Впервые за всё время она не знала, что сказать.

Окси быстро записал: «Свет врёт. Коридор дышит. Тень говорит правду. Оптим дрожит. Мы все дрожим».

Даффи шагнул вперёд, заслоня Оптиму:

— Хватит. Мы не отдадим её тебе.

— Никто никого не отдаёт, — спокойно сказала тень. — Она сама должна решить, кто она. Лучшая? Или единственная?

Коридор снова дрогнул. Стены из тумана потянулись вперёд, смыкаясь, будто хотели сжать их в кулак. Свет стал невыносимым, почти болезненным.

Прима схватила Оптиму за руку:

— Смотри на меня. Не на свет. Не на тень. На меня.

Сиринити встала рядом:

— И на меня.

Фаргус — с другой стороны. Даффи — перед ней. Окси — чуть сбоку, готовый записывать не только слова, но и то, как бьётся сердце.

Оптим посмотрела на них. На их лица — бледные, напряжённые, но решительные. На их тени — вытянутые, тёмные, настоящие.

— Я... — начала она. И остановилась. Потому что слово «лучшая» застряло в горле. Оно больше не подходило.

— Я здесь, — наконец сказала она. Не громко. Но так, что коридор услышал. — Я не идеальна. Я боюсь. Я ошибаюсь. Но я здесь. И я не оставлю себя позади.

Тень замерла. На её лице мелькнуло что-то похожее на улыбку — не злую, не торжествующую, а усталую. Принявшую.

— Тогда иди, — сказала она. — Но не вперёд. Иди спиной к свету. Потому что там, где светло, нет пути. Путь — в темноте. Там, где ты можешь нащупать дорогу.

Коридор замер. Свет перестал давить. Туман расступился — не сразу, а медленно, будто нехотя.

Оптим повернулась. Теперь она шла не вперёд — она шла спиной к свету, держась за руку Примы, чувствуя плечо Фаргуса, слыша дыхание Даффи, зная, что Сиринити прикрывает тыл, а Окси фиксирует каждый шаг.

Они шли не к выходу. Они шли к себе.

И тьма больше не казалась врагом. Она была просто местом, где можно дышать.

Глава 4. Правило спиной

Коридор больше не сужался — он застыл, как кадр, где время потеряло смысл. Стены из тумана стали плотнее, почти каменными, и на одной из них Сиринити вдруг заметила надпись: тонкие, острые символы, будто вырезанные лезвием по льду. Она провела по ним пальцем — и холод пошёл по руке до самого плеча.

— «Иди спиной. Свет — приманка. Тьма — дверь», — тихо прочитала она. Голос звучал так, словно эти слова не принадлежали ей, а просочились сквозь неё из самого коридора.

Все замерли. Даже Даффи перестал жевать — а это значило, что страх добрался до самого простого и привычного.

Фаргус посмотрел на надпись, потом на Оптиму. В его взгляде читалось: «Ты помнишь, что было в Лесу Потерянных Отражений? Там тоже сначала всё казалось логичным. А потом логика исчезла».

Оптим стояла прямо, как натянутая струна. Её пальцы сжались в кулаки, но она не отводила взгляда от света впереди — яркого, манящего, обещающего выход.

— Мы не пойдём спиной, — сказала она твёрдо. — Я всю жизнь шла лицом к свету. И если сейчас я повернусь к нему спиной — значит, я признаю, что всё, чему я верила, было ошибкой.

Прима шагнула ближе, но не к надписи, а к Оптиме — так, чтобы видеть её глаза.

— Иногда ошибка — это не то, что ты делала раньше, — тихо сказала она. — Ошибка — это продолжать делать то же самое, когда мир кричит, что правила изменились.

Окси быстро щёлкнул блокнотом и записал: «Оптим не хочет поворачиваться. Не потому что боится тьмы. Потому что боится признать, что свет её обманывал».

Даффи нервно сглотнул:

— А если мы повернёмся... и там будет что-то? Что-то, что ждёт?

Сиринити покачала головой:

— Там не будет ничего страшнее того, что уже с нами. Мы уже в ловушке. Вопрос только в том, будем ли мы смотреть на неё или попытаемся выйти.

Фаргус сделал шаг вперёд, не к свету, а к стене с надписью. Он провёл ладонью по символам, будто пытался запомнить их на ощупь.

— Я потерял тень в лесу, — сказал он спокойно, но в голосе звенела сталь. — И знаешь, что было самым страшным? Не то, что я стал невидимым в темноте. А то, что я продолжал идти вперёд, даже когда понял: дорога ведёт в никуда. Я не хочу повторять эту ошибку.

Оптим резко повернулась к нему:

— Ты хочешь сказать, что я веду нас в никуда?

— Я хочу сказать, что мы все идём по дороге, которую нам показали, — ответил Фаргус. — А не по той, которую выбрали сами.

В коридоре стало тише. Даже туман будто перестал шуршать. Свет впереди вспыхнул — не мягко, а резко, как вспышка камеры, которая выжигает всё лишнее. И в этом свете тени героев вытянулись назад, длинные и тонкие, как нити, тянущиеся к темноте.

Тень Оптимы стояла там — не двигалась, не нападала, просто ждала. Её лицо было спокойным, почти усталым.

«Иди спиной», — беззвучно прошептали её губы.

Оптим почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Не страх — что-то глубже. Сомнение, которое она так долго давила, вдруг поднялось на поверхность, как пузырьки воздуха со дна колодца.

— Если я повернусь спиной... — начала она, и голос дрогнул. — Если я повернусь, значит, я сдаюсь.

— Нет, — сказала Прима. — Значит, ты становишься умнее. Ты видишь не только то, что ярко. Ты видишь всё.

Окси записал ещё одну строчку: «Первый раскол. Оптим против самой себя. Остальные — между ними».

Даффи посмотрел на всех по очереди, потом шагнул к Оптиме:

— Я не люблю темноты. Но я ещё больше не люблю, когда кто-то остаётся один на один с тем, что его пугает. Если ты повернёшься — я буду стоять прямо за тобой. И держать тебя.

Сиринити кивнула:

— И я.

— И я, — добавил Фаргус.

Прима просто взяла её за руку.

Оптим посмотрела на их лица — напряжённые, решительные, настоящие. На их тени — длинные, тёмные, но крепко связанные с ними. И поняла: тьма не обязательно враг. Иногда она — просто отсутствие света. А свет не обязательно друг. Иногда он — просто очень яркая ловушка.

Она медленно повернулась. Не резко, не демонстративно — так, как поворачиваются, когда понимают, что другого пути нет. Спиной к свету. Лицом к тьме.

И тьма не бросилась на неё. Она просто была. Спокойная, тяжёлая, настоящая. В ней не было монстров — только тишина, в которой можно было услышать собственные мысли.

Свет за их спинами вспыхнул в последний раз — и погас. Не сразу, а постепенно, как гаснет экран, когда устройство уходит в спящий режим. Коридор погрузился в полумрак, и в этом полумраке символы на стене засветились мягким голубым светом, будто ждали именно этого момента.

«Тьма — дверь», — снова прошептала надпись.

И дверь появилась. Не из дерева, не из металла — из самой темноты. Прямо перед ними, с резными краями, будто вырезанная из ночи.

Оптим глубоко вздохнула. Её пальцы всё ещё сжимали руку Примы. За спиной — Фаргус, Даффи, Сиринити, Окси. Впереди — тьма. И в этой тьме — путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.